

АРХИЕПИСКОП ВЕРЕЙСКИЙ ЕВГЕНИЙ (РЕШЕТНИКОВ)

МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ В 1917–1918 УЧЕБНОМ ГОДУ

На пути к мученичеству

УДК 281.93

Аннотация

В статье кратко описывается состояние Московской духовной академии в 1917–1918 учебном году, на который пришлось самые трагичные революционные события. Называются имена двенадцати новомучеников — преподавателей и учащихся Академии именно в этом году — все они приняли мученическую кончину после 1927 г. Подчеркивается общий трагический путь учебного заведения, его преподавателей и питомцев — именно в 1927 г. Академия была окончательно закрыта. Особенная проблематика 1917 г. связана с катастрофой, кардинально переменявшей политический строй в стране. Эту перемену Церкви пришлось признать, руководствуясь принципом «всякая власть от Бога». Отсутствие должного патриотического отношения к утраченному монархическому строю пришлось компенсировать принятием подвига исповедничества и мученичества ради Небесного Царства Царя Христа.

Ключевые слова: монархия, революция, духовное образование, Московская духовная академия, народ, армия, профессура и студенчество, дневники, А. Д. Беляев.

В 2017 г. исполняется ровно сто лет с начала небывалого в истории России и всего мира гонения на Церковь, происшедшего в результате большевистского переворота в октябре 1917 г. В мировой истории не так много моментов, которые могли бы по масштабу и последствиям сравниться с той радикально новой ситуацией, в какой оказалось наше Отечество и русский народ, живший одной семьей в мире и согласии с другими нациями, населявшими Россию. Новые правители пришли

к власти благодаря лозунгам «земля — крестьянам», «заводы — рабочим», «мир — России». А Россия была изнурена Первой мировой войной. Монархическая империя и сам принцип монархии отвергались как страшная и изжившая себя крайность и принимался полный их антипод — абсолютное народовластие, исключающее любые капиталистические отношения. В этой ситуации нужно представить себе состояние думающих людей общества, интеллигенции, которой пришлось приспособливаться к совершенно новой действительности, отказываясь от вековых принципов и стереотипов.

Избегая черно-белых оценок случившегося, все же надо сказать, что тогда Россия рухнула в бездну — отчасти в результате обмана, отчасти в силу иллюзий, отчасти из-за неумения объективно оценить все опасности момента. Но факт остается фактом: вместо народовластия страна получила жесткое правление коммунистической партии, властные методы которой во много раз превосходили по хитрости и жестокости любые репрессивные меры царского правительства. Если государь терпел разномыслие, то большевики в процессе жесткой конкурентной борьбы не щадили даже своих единомышленников и коллег...

Стремление к господству над информацией и использование информации как пропаганды, в том числе и антирелигиозной, поставило духовные учебные заведения на грань выживания. Классически выверенное дореволюционное богословское образование — это видно на примере Московской духовной академии — доживало свой век под страшным прессингом новых обстоятельств, а впоследствии ему пришлось мучительно возрождаться в условиях изменившегося менталитета общества и без перспектив полноценного интегрирования в духовную и светскую жизнь России.

Московскую духовную академию 1917–1918 учебный год застал врасплох. Занятия начались 3 сентября 1917 г. по старому стилю. Ровно через неделю вместо смещенного еще весной епископа Феодора (Поздеевского) на пост ректора Академии был избран профессор-мирянин Анатолий Петрович Орлов. Через месяц он был рукоположен в сан протоиерея. Два других кандидата — архимандрит Иларион (Троицкий) и профессор М. М. Тареев — оставались в поле зрения академического

Совета. О причинах их избрания пишет историк Академии диакон Сергей (Голубцов)¹. Как бы то ни было, оба они имели огромное влияние на жизнь Академии, которая становилась — как и жизнь всей страны — все более зависящей от коллегиальных решений большинства.

На торжественном Покровском акте, проходившем 1 октября после Литургии, С. С. Глаголев говорил, в частности, о том, что главная задача Академии — провозглашение Евангелия. Евангелие — Благая весть — это то единственное, что могло и возродить, и просветить, и утешить Россию, находившуюся в процессе грандиозных преобразований и на пороге самой трагичной катастрофы в своей истории. В академической атмосфере витали идеи революционной эпохи, профессора, особенно либеральные в лице М. М. Тареева, писали о «богородстве», или «теогенизме»², сравнивая становление новой России с рождением в Боге. В преувеличенном виде это настроение передает гимн, написанный в ту эпоху известным баптистским лидером И. С. Прохановым:

Призывайте к жизни новой,
К свету истины Христовой!
Пусть на подвиг возрожденья
Встанут волны населянья!³

Возглавлял торжество митрополит Московский Тихон (Белавин), которого в начале учебного года академический Совет вновь избрал почетным членом Академии⁴. В следующем месяце он будет избран

¹ Голубцов С., протоид. 2010. С. 444–445.

² Дионисий (Шленов), игум. 2010а. О терминах «теогенизм» и «богородство» см.: Там же. Примеч. 41. С. 838. Сщмч. Яков Бойков написал сочинение «Евангельский теогенизм» под очевидным влиянием М. М. Тареева (Там же. С. 838–850).

³ Проханов 1922. После титульного листа вступительный стих. Подпись: «Июнь 1918 г. Петроград».

⁴ Отчет 1917–1918. С. 1.

Патриархом Всероссийским и станет человеком, олицетворяющим собой утерянное и поправленное единство Российской Империи, главой единой Церкви, не утратившей своей самоидентичности. Следует отметить, что пламенным сторонником патриаршества был профессор архимандрит Иларион (Троицкий), который выступал в его защиту на Поместном Соборе, а в Московской духовной академии его речь в защиту патриаршества продолжалась три часа и закончилась бурными аплодисментами⁵.

Академия пребывала в бедственном состоянии. С начала учебного года у нее отняли часть помещений для размещения Сокращенных офицерских курсов Военной электротехнической школы из Петрограда, а со второго полугодия (с марта 1918 г.) почти все академические помещения были заняты Центральным военно-техническим управлением⁶. Поиск финансирования самых необходимых жизненных процессов стал постоянным попечением академической администрации, которой пришлось столкнуться с небывалыми трудностями: Священный Синод не утвердил академическую смету на 1918 г., а после аннулирования всех займов 21 января 1918 г. Академия потеряла все свои вклады⁷.

В 1917—1918 учебном году стал действовать новый учебный план⁸ с уменьшенным числом предметов, разделенных на пять основных направлений, или на специализированные группы предметов (почти совпадающие с основными кафедрами современной МДА!) для студентов III курса:

- библейская;
- богословско-философская;
- церковно-историческая;
- богословско-словесная;
- церковно-практическая.

⁵ Голубцов С., протод. 1999. С. 74.

⁶ Впоследствии переименовано в Главное Военно-инженерное управление.

⁷ Отчет 1917—1918. С. 14.

⁸ О судьбе классических языков в ту эпоху см.: Дионисий (Шленов), игум. 2010b.

Студенты I и II курса должны были слушать общеобязательные лекции. Во избежание многопредметности число зачетов по практическим занятиям было сведено до четырех, а количество сочинений по каждому триместру было уменьшено с девяти до шести⁹.

Данный учебный план стал внедряться на первых трех курсах, в то время как IV курс доучивался по-прежнему. Некоторые лекции объединялись или не читались вообще в случае том, если профессора были заняты в заседаниях Поместного Собора Всероссийской Православной Церкви.

В отчете за 1917–1918 учебный год, опубликованном в «Богословском вестнике» 1918 г., приводятся данные о профессорско-преподавательском составе Академии. Общее число штатных служащих составляло тридцать семь человек, нештатных — семеро. Среди штатных служащих, помимо ректора протоиерея Анатолия Орлова и помощника ректора архимандрита Илариона¹⁰ — двух экстраординарных профессоров, научно-преподавательской работой занимались девять ординарных профессоров (среди них один заслуженный) и одиннадцать экстраординарных (среди них один заслуженный и три сверхштатных)¹¹.

На начало года к числу студентов II, III и IV курсов (182) добавились новопоступившие на I курс (60). В совокупности число студентов составило 242 человека. Из них, согласно сложившейся практике, больше половины студентов имели право на получение стипендии, другим помогала Троице-Сергиева Лавра и братство прп. Сергия. Однако, вследствие досрочного окончания учебного года (о чем будет сказано ниже), а также крайней дороговизны самых необходимых предметов и продуктов, в течение первого полугодия стипендии выдавались в двойном размере, причем за счет епархиальной казны восполнялось прекращение

⁹ Отчет 1917–1918. С. 6.

¹⁰ С 17 по 29 октября архимандрит Иларион на этой должности не состоял. Указом Священного Синода № 9554 от 9 ноября 1917 г. вновь утвержден на этой должности на 4 года (до 29 октября 1921 г.) (Отчет 1917–1918. С. 2).

¹¹ Там же. С. 2.

частного финансирования¹². Ранее Троице-Сергиева Лавра поддерживала одиннадцать студентов — в 1917—1918 учебном году из-за оскудения монастырской казны это вспомоществование было прекращено.

Из-за политического и экономического кризиса еще до Октябрьской революции студенты попросили завершить учебный год к 15 января 1918 г., а после революции — еще на неделю раньше, к празднику Рождества Христова. В результате 16 ноября 1917 г. прекратилось чтение лекций, экзамены проводились с 20 ноября по 20 декабря 1917 г., а затем — с 31 июня по 4 августа 1918 г. За исключением студентов IV курса, все остальные справились с учебными обязанностями только частично, но «ввиду исключительно тяжких политических и бытовых условий переживаемого времени» многие студенты I, II и III курсов были переведены на следующий курс¹³ с условием ликвидировать все формальные задолженности в будущем году...¹⁴

В 1918 г. окончили Академию по первому разряду двенадцать человек, по второму — восемь человек, действительными студентами — девять человек, а общее число выпускников составило девяносто три человека¹⁵. Это был 74-й курс (набор 1915 г.). Из них четвертый выпускник по первому разряду священник Зосима Трубачев¹⁶ прославлен в лике новомучеников Российских. Закончил обучение (не закончив Академии) священномученик иерей Константин Твердислов¹⁷. Среди учащихся и выпускников следующего года в лике новомучеников и исповедников Церкви Русской прославлены Василий Надеждин¹⁸, иерей Евгений

¹² Отчет 1917—1918. С. 2.

¹³ 38 студентов были все же оставлены на второй год, а 8 исключены за неявку на академические занятия.

¹⁴ Отчет 1917—1918. С. 19.

¹⁵ Маякова 2008. С. 169.

¹⁶ † 26.02.1938. См.: Лука (Головков), архим. 2010. С. 1078.

¹⁷ Жизнь сщмч. Константина (Твердислова), Вязниковского. URL: <http://www.vladkan.ru/life/18101300.html> (дата обращения 12.10.2017).

¹⁸ Студент МДА 1916—1920 гг. († 19.12.1930).

Васильев¹⁹, иерей Иаков Бойков²⁰, иерей Константин Любомудров²¹. В 1917 г. в Академию принят на обучение прп. Леонтий (Стасевич)²².

Мученической кончины удостоились семь действующих преподавателей: архимандрит Иларион (Троицкий)²³, иеромонах Игнатий (Садковский)²⁴, протоиерей Иоанн Смирнов²⁵, протоиерей Сергей Голощапов²⁶, Иоанн Попов²⁷, протоиерей Димитрий (Лебедев)²⁸, протоиерей Илия Громогласов²⁹, Александр Туберовский³⁰.

В Соборе святых Московской духовной академии 72 имени, их них 65 — новомученики и исповедники, претерпевшие страдальческую жизнь и/или смерть во времена революционных и постреволюционных гонений.

Итак, в 1917–1918 г. в числе преподавателей и студентов Московской духовной академии оказалось двенадцать будущих новомучеников. Этот факт дает возможность определенным образом оценить духовное состояние Академии в ту революционную эпоху. Двенадцать человек в будущем найдут в себе силы кровью запечатлеть те богословские истины, которые были им преподаны или преподавались ими в родных стенах.

Революционные гонения для твердых в вере стали горнилом, пройдя через которое они стяжали святость, а для неискушенных и маловерных — поводом для ухода от дел и свидетельства или даже отпадения от веры. По слову Евангелия, тот, кому много дано, получит еще больше,

¹⁹ † 24.11.1937.

²⁰ † 19.04.1943.

²¹ † 19.11.1937.

²² Дамаскин (Орловский), игум. 2005. С. 406.

²³ † 28.12.1929.

²⁴ † 9.02.1938.

²⁵ † 10.12.1937.

²⁶ † 19.12.1937.

²⁷ † 8.02.1938. См.: Лука (Головков), архим. 2010.

²⁸ † 27.11.1937.

²⁹ † 4.12.1937.

³⁰ Впоследствии протоиерей († 23.12.1937).

а у того, кому дано мало, отнимется и то, что он имеет³¹. Эти слова в полную меру осуществились на тех студентах и преподавателях, которые, как самые искусные, пострадали в наибольшей мере.

Основные бедствия и испытания выпали на период после 1919 г., когда Академия была закрыта. А мученичество — на период после 1927 г., когда окончательно прекратилась даже ее ограниченная деятельность в виде частных занятий в Москве. В этом тоже можно усмотреть неслучайность — учебное заведение молчаливо разделило судьбу своих лучших питомцев. Основной революционный удар пришелся на выпускников Академии, несших служение на местах: первым пострадавшим из их числа стал архиепископ Пермский Андроник (Никольский)³².

Мы видим, что 1917 г. стал Московской духовной академии переломным во всех отношениях. Академия в этом году пережила три вида правления: монархический, близкий к социал-демократическому и большевистский. Это сказалось и на умах и сердцах преподавателей и студентов. Воодушевление от стремления к новому быстро сменилось горечью разочарований. Внутренняя интуиция даже самой либеральной профессуры подсказывала необходимость приспособления к ужасам настоящей жизни в ожидании лучшего времени, ибо трудно было ожидать проблесков здравого смысла и инстинкта самосохранения и обретения реального выхода из трагедии от разбушевавшегося народа.

Волею Божественного Промысла Академия оказалась самым непосредственным и глубочайшим образом вовлечена в события, связанные с проведением Поместного Собора и избранием патриарха. Даже страшные пертурбации едва ли отрезвляли некоторых профессоров, не видевших в восстановлении патриаршества реального выхода и дарованной Богом возможности преодоления бедствий и неурядиц. Как верные сыны Отечества, преподаватели понимали несвоевременность утонченных научных штудий, они готовы были на время отступить от сложившихся

³¹ Ср. Мф. 13, 12.

³² † 20.06.1918. Лука (Головков), архим. 2010. С. 1071.

и практиковавшихся ими принципов строгого научного исследования ради своевременного принятия насущных решений.

Тем не менее жизнь шла своим чередом, и многие события совершалось в русле ее привычного течения. В 1917 г. отметили 50-летие со дня кончины свт. Филарета, митрополита Московского. Продолжал выходить «Богословский вестник», воспринявший новые веяния эпохи благодаря М. М. Тарееву в должности главного редактора. Профессор М. Д. Муретов стал публиковать в своем переводе жития прп. Максима Исповедника, мученически пострадавшего за веру. Студенты писали выпускные квалификационные работы, занимались переводами. Так, одна из защищенных в 1918 г. работ называлась «Соборность Церкви в отношении к устройству ее управления»³³; другая содержала перевод трактата Марина Неаполитанца «Прокл или о счастье»³⁴.

Революция грянула как буря. Бесчинства разнузданных солдат, грабеж, голод, отсутствие общественной справедливости, господство лжи и обмана, полная бесправность и невозможность отстаивать свои территории или культурные ресурсы, необходимость приспособления и налаживания отношений с новым, идеологически чуждым режимом — все это не могло не сказаться пагубно на учебном процессе, который стал увядать и окончательно прекратился в конце второго полугодия 1918–1919 учебного года.

Признание «отречения» последнего русского императора святого страстотерпца Николая предельно ослабило как всю страну, так и, в частности, духовные академии. Чтобы преодолеть иллюзии, потребовались экстраординарные обстоятельства, которые и явились по попущению Божию, оказавшись горькой, но очищающей чашей, дающей силы переносить испытания.

³³ Преображенский А. Соборность Церкви в отношении к устройству ее управления (ОР РГБ Ф. 172. К. 352. Ед. хр. 3).

³⁴ Донец И. «Прокл или о счастье» (Марина Неаполитанца) (перевод и комментарии) (ОР РГБ Ф. 172. К. 240. Ед. хр. 14).

В отделе рукописей РГБ сохранился дневник профессора догматики МДА А. Д. Беляева³⁵. Профессор вел его ежедневно с 1875 по 1919 гг.³⁶. Он является в своем роде уникальным документом, отражающим события, которые касались не только личной жизни профессора и его преподавательской деятельности, но и событий в Московской духовной академии и общественно-церковной жизни России. 4 марта 1917 г. профессор писал: «Ныне поражающие известия. 2-го марта Николай II в Пскове, в вагоне своего поезда, отказался от престола за себя и своего сына в присутствии командующего С[еверо]-з[ападного] фронта генерала Рузского и Фредерикса, заявивши об этом военн[ому] мин[истру] А. И. Гучкову и члену врем[енного] комитета Государст[венной] думы В. В. Шульгину; отрекся в пользу брата своего Михаила Александровича.

3-го марта члены совета министров и приехавшие от Николая II поехали во дворец Мих[аила] Александров[ича] и ознакомили его с волей Никол[ая] II и с положением дел. Он решительно отказался принять корону в такое время и при таких условиях, т[ак] к[ак] этот шаг его внесет еще большую смуту. Затем, поговорив с В. Н. Львовым и В. В. Шульгиным, он опять сказал: “Я решил твердо короны не принимать, но если Гос[ударственная] Дума и народ пожелают, чтобы я взял на себя регентство впредь до созыва и решения Учредительного собрания, то на это я дам согласие”. Как все это быстро совершилось! Боже, спаси Россию! Пощади людей твоих!..

Ныне у всеночной как-то неприятно было слышать в “Спаси, Господи” слова: “Державе Российской и воинству ея”, а в ектениях нет уже моления о “царе, матери, насл[еднике] и цар[ствующем] доме”»³⁷.

Далее А. Д. Беляев вспоминает о том, что студенты Академии 12 марта 1917 г. выпустили «афишу-анонс с такими “фруктами” освобождения: дни освобождения — дни радости; цепи разорваны; солнце правды

³⁵ 1849–29.11.1919.

³⁶ ОР РГБ. Ф. 26. К. 4. Ед. хр. 6.

³⁷ ОР РГБ. Ф. 26. К. 4. Ед. хр. 6. Л. 19 об.

всходит. Все это крупнейшими буквами»³⁸. Называлась эта афиша: «Радость человеческого рода и духовный концерт»³⁹.

Но вскоре и сам профессор пошел на поводу у времени и разделил разжигаемый печатью пафос глумления над государем и императрицей. 23 марта он, в частности, писал: «...царь повредил себе и монархии безволием, ленью, беспечностью, пристрастием к вину (по-видимому), неумением управлять, нежеланием, хотя бы на время войны, составить кабинет по образу конституции...»⁴⁰.

Эти слова написал ученый, относившийся к числу не самых либеральных профессоров Академии. Но будучи предельно честным человеком, А. Д. Беляев не мог не услышать и гласа народа, в основной массе сохранявшего духовную трезвость и страх Божий. 31 марта он оставил такую запись: «В газетах уклон мысли такой, что будет демократическая республика. Но в стране, в массе народа — молчание, задумчивость; навис и занимает голову вопрос: будет ли лучше? Как быть и жить без царя? Крестьяне в огромном множестве за царя бы, но республиканцы сманивают его к себе обещанием земли — этой манны небесной для всех крестьян»⁴¹.

Постепенно происходило протрезвление мысли и выравнивание оценок. «Ленин в Петрограде с балкона дома Кшесинской призывает слушателей к грабежу богачей, и правительство его не арестует; а приверженцев монархии арестовывает без их выходок даже в пользу прежнего правления, из подлого страха что ли или под давлением рабочих — этих хамов»⁴² (запись от 16 апреля).

«В здешнем художеств[енном] синематографе ныне картина: царь с бутылкой водки в руке, около него улыбающийся Сухомлинов, Распутин

³⁸ ОР РГБ. Ф. 26. К. 4. Ед. хр. 6. Л. 24.

³⁹ ОР РГБ. Ф. 26. К. 4. Ед. хр. 6. Л. 24 об.

⁴⁰ ОР РГБ. Ф. 26. К. 4. Ед. хр. 6. Л. 29 об. — 30.

⁴¹ ОР РГБ. Ф. 26. К. 4. Ед. хр. 6. Л. 37 об.

⁴² ОР РГБ. Ф. 26. К. 4. Ед. хр. 6. Л. 42.

косматый, Мясоедов или Григорьев, Протопопов. Пьеса в 4-х актах: 1. Распродажа России оптом и в розницу»⁴³ (запись от 26 апреля). Эту пьесу могли смотреть и студенты Духовной академии и при этом молчать, не выражая никакого протеста или даже соглашаясь с лживой карикатурой.

«В “Утро России” писали, что царь в Петропавл[овской] крепости. Переданы даже б[ыли] слова Керенского, что нельзя позволить всякому видеть там, как содержится царь. А ныне в той же газете пишут, что царь находится в Царск[ом] Селе, во дворце едят, что им угодно, что погреб наполнился вином. Его будто бы вылили в канаву, но он скоро опять наполнился вином. Вот и верь газетам!»⁴⁴ (запись от 19 мая). Приходилось довольствоваться той информацией, которая всюду распространялась и настырно влагалась в сознание. Сначала здравый ум отвергал ее как ложную, но постепенно свикался с клеветой и уже не различал подлинной реальности от искаженной фантазии.

«Откомандир[ованный] прапорщик, родственник хозяина, вчера говор[ил], что солдаты дезертир[уют] потому, что не жел[ают] служить правит[ельству], желали бы, чтобы б[ыл] царь Мих[аил] Ал[ександрович] или Н[иколай] Никол[аевич], а другие бегут по трусости»⁴⁵ (5 июня). Так в Сергиевом Посаде воспринимались настроения простого народа, в данном случае солдат; бунт накатывал волнами, и остановить двинувшийся страшный каток было очень сложно.

Но вот настали мрачные дни Октябрьской революции. Стало понятно, что к власти пришли обманщики и расхитители России. Несмотря

⁴³ ОР РГБ. Ф. 26. К. 4. Ед. хр. 6. Л. 46.

⁴⁴ ОР РГБ. Ф. 26. К. 4. Ед. хр. 6. Л. 52.

⁴⁵ ОР РГБ. Ф. 26. К. 4. Ед. хр. 6. Л. 58 об. — 59. Ср. аналогичные воспоминания: «Весь этот переворот у нас, на позиции, прошел тихо, мирно. Только удивлялись солдаты, зачем Царь отказался от престола: “Ну выгнал бы старых министров, Государыню, а сам бы остался”, — говорили они. Вот до чего привыкли видеть над собой власть, без которой, они думают, им будет хуже» (Ананьев 2014. С. 212).

на свои вполне объективные и точные критические оценки происходящего, А. Д. Беляев не изменил неприязненного отношения к государю и царской семье, его доверие к распространявшимся ложным слухам не поколебалось. Вот что он писал 3 декабря 1917 г.: «В газетах слух, будто Николай II убежал из Тобольска, неизвестно куда. Еще будто императором будет Алексей, а регентами его В[еликий] кн[язь] Павел Александров[ич] и Баварский принц»⁴⁶. На следующий день он продолжал в том же духе: «Еще слухи: кайзер поставил одним из условий мира — восстановление монархии; царем провозглашается Алексей, а до его совершеннолетия регентом будет Гогенцоллерн. Каковы замыслы? Опять царский дом сделать сборищем германских принцесс. Вот так штука! Этого еще не доставало, чтобы опять овладели “двором”, а с ним и Россией проклятые боши»⁴⁷.

Таким образом, у одного из лучших членов профессорско-преподавательской корпорации Академии не нашлось добрых чувств и слов для последнего государя даже в период предельного обострения антирусских и антицерковных настроений в обществе. Надо иметь в виду, что А. Д. Беляев писал дневники не для публикации, и потому выражал в них свои чувства предельно искренне и открыто.

В лице своих новомучеников Московская духовная академия принесла в жертву Богу лучшие плоды «спасительного сеяния» Христа на ниве богословского образования. Их мученический подвиг лучшим образом защитил Россию и ее уклад от посягательств богоборцев. К сожалению, в большинстве случаев мало известно об их мученическом подвиге. Вероятно, кроме новомучеников, включенных в Собор святых МДА, есть еще большое число безвестных или еще не прославленных свидетелей веры и страдальцев за Христа.

Очарованность новым строем без царя, недолго существовавшим в России в промежутке между Февральской и Октябрьской революциями,

⁴⁶ ОР РГБ. Ф. 26. К. 4. Ед. хр. 6. Л. 151 об.

⁴⁷ ОР РГБ. Ф. 26. К. 4. Ед. хр. 6. Л. 152.

оказалась призрачным счастьем, которое рассеялось как дым. Для Московской духовной академии 1917—1918 гг. прогремели тяжелейшим вызовом, который пришлось принимать в состоянии неполной готовности. В своем докладе «Российская Православная Церковь и Октябрьская революция» 26 октября 2017 г. на конференции «Религия и русская революция» министр образования РФ, доктор исторических наук О. Ю. Васильева подчеркнула факт кризиса религиозного сознания в революционную эпоху, повлекшего за собой огромные катастрофические последствия. Исследовательница пришла к выводу, что в тот момент никто не давал политической и духовной оценки происходящего — молчали многие церковные иерархи, — а Россия катилась в бездну. Справедливости ради, исследовательница отметила, что имел место храбрый и нелицеприятный подход к происходящим событиям в лице Патриарха Тихона, который провозгласил анафемы участникам братоубийственных расправ в январе 1918 г., осудил Брестский мир и убийство государя Николая II⁴⁸. Патриаршее послание от 25 сентября 1919 г. с призывом воздерживаться от любых политических акций стало одним из ключевых элементов для дальнейшего выстраивания отношений Церкви и советской власти.

На этом фоне поражает предельной бескомпромиссностью по отношению к новой власти и глубокой любовью к потерянному монархическому строю личность священномученика Андроника (Никольского), архиепископа Пермского, выпускника Академии 1895 г.: «Не стало у нас Царя... Бесчестные царские советники и слуги в своих расчетах скрывали правду от сердца Царева и делали всё, чтобы разъединить Царя с народом и добились своего»⁴⁹, — пламенно проповедовал он пастве 5 марта 1917 г. А за несколько месяцев до своей мученической смерти говорил: «Стоном стонет наш народ. Но воскреснет погибаю-

⁴⁸ См. также о монархических настроениях некоторых архиереев: Бабкин 2005. С. 110, 116, 118.

⁴⁹ Цит. по: Дамаскин (Орловский), игум. 1996. С. 95.

щая в прахе и пепле Россия родимая»⁵⁰. В ночь с 6 на 7 июня 1918 г. палачи отвезли его в лес по Сибирскому тракту и заставили вырыть себе могилу. Закончив рыть могилу, владыка помолился около десяти минут, поклонился на четыре стороны света и сам лег в свое последнее пристанище на земле. Чекисты начали закапывать его живым, а потом расстреляли несколькими выстрелами...

Яркие и достоверные характеристики состояния народа во время революционных событий находим в дневнике М. М. Пришвина. Так, он приводит выступление оратора от социал-демократов из Петрограда, который в помрачении проповедовал в русской деревне летом 1917 г.: «Самый лучший бриллиант сверкал в короне самодержавного царя, а ныне он сверкает в короне самодержавного народа»⁵¹. А вот характерная притча о том, как быстро можно утратить то, что присвоено незаконно, в данном случае землю: «Тут как ахнут все в ладоши. Пробудился Трифон, вскочил с испугу: “Как, что?” — спрашивает, распустил пальцы — и земля проскочила»⁵².

«В Троицу случилось: за обедней, во время великого входа батюшка помянул “Благочестивейшего самодержавнейшего”, и сейчас же... “ах! державу Российскую!”. Старики, да и все наши, поняли, что батюшка “отщипнулся”, а какой-то новый солдат, какой-то чей-то товарищ стал шуметь, за ним все шуметь. Едва-едва без греха удалось батюшке обедню закончить. После обедни на выгоне выкинул этот солдат красный флаг и говорит: “Мы большевики...”

Что такое он говорит, трудно понять; кружит, говорит, и все к этому: мы большевики.

Такое что-то новое, ни на что не похожее говорит, и чтобы вот сейчас сию минуту как-то сразу нужно по-новому всем, а там все пойдет так. В следующее воскресенье назначили батюшке поверочный молебен

⁵⁰ Цит. по: Дамаскин (Орловский), игум. 1996. С. 95.

⁵¹ Дневник от 6 июня 1917 г. (Пришвин 2007. С. 433–434).

⁵² Там же.

на лугу, приносят хоругви, приносят со всех деревень красные знамена. Запугали батюшку, ни жив, ни мертв служит, а под конец самый, видно, справился, и вдруг: “Победы Благоверному императору... ах! державе Российской!” Опять на поверочном молебне батюшка отцкинулся»⁵³.

Духовное помрачение, растерянность и взбудораженность народа и русского общества в целом не могло не отражаться и на состоянии умов ученых из духовных академий.

Молчание большинства архипастырей и духовенства не означало равнодушия. Совершалась воля Божия, переполненная чаша долготерпения Творца изливалась нескончаемыми потоками невиданных бедствий. Воздвигнутые гонения превосходили по цинизму и жестокости гонения первых веков христианства. В первые годы послереволюционного террора христианская кровь лилась потоками, священники расстреливались без суда и следствия, разрушались храмы, осквернялись святыни. Те подвижники, кого еще не достиг каток репрессий, горячо молились Богу за творящиеся на Русской земле беззакония, прося помиловать заблудившийся народ. Свт. Игнатий Брянчанинов писал: «Не покусись немощной рукой остановить поток беззакония»⁵⁴. Русская Церковь укреплялась и возрастала в обрушившихся на нее гонениях, плевелы отделялись от пшеницы Христовой.

Именно в единстве Церкви видели преподаватели и студенты Московской духовной академии главную ценность, за которую нужно бороться и стоять до крови, то Царство неземное, нескончаемое и неразрушимое, которое следует всеми силами защищать. В этом уповании соединились как представители консервативного направления, монархисты, так и сторонники всевозможных либеральных течений.

Профессор Академии священномученик Илия Громогласов, в свое время сочувствовавший так называемому «освободительному движению», а после революции возведенный в священный сан и принявший

⁵³ Дневник от 17 июня 1917 г. (Пришвин 2007. С. 446–448).

⁵⁴ Игнатий Брянчанинов, свт. 2002. С. 498.

мученическую кончину в 1937 г., говорил на Соборе 1917–1918 г.: «Единственная надежда наша не в том, что будет у нас земной царь или президент — как угодно его назовите, а в том, чтобы был Небесный Царь — Христос: в Нем одном нужно искать спасения»⁵⁵. Студент II–III курса Московской духовной академии 1918 г. А. Преображенский завершил сочинение о соборности Церкви следующими словами: «Итак, заканчивая свой труд, мы можем сказать, что... церковное управление носит поистине вселенский или кафолический характер, так как оно (пользуясь термином Вл. С. Соловьева) лишено самолюбия и обособления — временного, личного, народного и всякого другого»⁵⁶. Эти слова были написаны вскоре после расстрела святого страстотерпца Николая и его семьи. В них можно усмотреть общее упование здравых общественных сил на Церковь как на корабль спасения...

А в день после расстрельной ночи, еще не зная о ней⁵⁷, профессор А. Д. Беляев написал: «... Патриарх есть, теперь царя бы поставить на царство, именно Михаила Александровича. Царь непременно будет, только скоро ли? Судя по быстроте перемен в духе времени, мы получим царя в близком будущем. В первое время, в первые 4 месяца порицали... царя Николая 2-го, династию, монархический режим, и никто не смел заикнуться, даже словом назвать слова: Россия, отечество, родина»⁵⁸. Эти слова искупают предшествующие колебания профессора. Надежда на царство снова затеплилась в душе, искавшей правду и служившей ей. После расстрела государя академический профессор-пенсионер особенно остро почувствовал свершившуюся катастрофу, но не было уныния

⁵⁵ Деяния 1917–1918 гг. 1996. С. 45.

⁵⁶ Работа была завершена 8/21 июля 1918 г. (ОР РГБ Ф. 172. К. 352. Ед. хр. 3. Л. 88).

⁵⁷ О расстреле А. Д. Беляев узнал только через два дня, что также подтверждается дневниковыми записями: «6 июля... Будто бы Николая II советская власть расстреляла» (ОР РГБ. Ф. 26. Ед. хр. 4–7. Л. 99). «7 июля. Николай II действительно расстрелян приказом большевистской власти...» (ОР РГБ. Ф. 26. 4–7. Л. 99 об.).

⁵⁸ ОР РГБ. Ф. 26. Ед. хр. 4–7. Л. 98 об.

и отчаяния — вместе с печалью эта весть отозвалась в его сердце светлым упованием на будущее. «Россия, Отечество, Родина», — эти слова должны были сбыться в русской истории. Россия непременно должна возродиться как православная держава — в этом лучшие ее сыны всегда видели смысл и оправдание ее существования в истории. Скоро ли это произойдет, долго ли еще ждать?.. У Бога тысяча лет как день един⁵⁹.

Остановить разрушительные процессы в России в целом, как показала история, было непосильно для разрозненных и разобщенных общественных сил. Но сказать твердое «нет» царству зла и беззакония и исповедать веру в Небесного Царя — Христа Спасителя — вот то высокое призвание, которое довелось осуществить Московской духовной академии в лице лучших своих представителей и в период притеснений (1917—1919), и во время полуподпольного существования при храмах и монастырях Москвы (1919—1927), а равно и после полного закрытия (1927—1943). Этим твердым стоянием в вере и исповеданием живут и возродившиеся после Великой Отечественной войны духовные школы до сего дня, достойно встречая новые испытания и противостоя новым соблазнам нашего времени.

ИСТОЧНИКИ

- Дамаскин (Орловский), игум. 2006 — *Дамаскин (Орловский), игум.* Жития новомучеников и исповедников Российских XX в. Московской епархии / Сост. игум. Дамаскин (Орловский). Тверь, 2006. Т. 4 дополнительный. [*Damaskin (Orlovsky), hegumen. Zhitia novomuchenikov i ispovednikov Rossiiskikh XX veka Moskovskoi eparkhii* (The life of twentieth century Russian new martyrs and confessors of the Moscow Diocese) / Sostavitel' igumrn Damaskin (Orlovsky). Tver', 2006. T. 4 dopolnitel'nyi.]
- Дамаскин (Орловский), игум. 2005 — *Дамаскин (Орловский), игум.* Жития новомучеников и исповедников Российских XX в. Январь. Тверь, 2005. [*Damaskin (Orlovsky), hegumen. Zhitia novomuchenikov i ispovednikov Rossiiskikh XX veka. Ianvar'* (Lives of XX century Russian new martyrs and confessors. January). Tver', 2005.]

⁵⁹ См. 2 Пет. 3, 8.

- Деяния 1917–1918 гг. 1996 — Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918. М., 1996. Т. 6. [Deianiia Sviashchennogo Sobora Pravoslavnoi Rossiiskoi Tserkvi 1917–1918 (Acts of the Holy Council of the Orthodox Russian Church 1917–1918). Moscow, 1996. Tom 6.]
- Дионисий (Шленов), игум. 2010а — Яков Бойков, *сщмч.* Страницы из «Академического дневника» за 1919 г. / Публ. игум. Дионисия (Шленова) // БВ. 2010. № 11–12. С. 819–857. [*Iakov Boikov, hiermartyr.* Stranitsy iz “Akademicheskogo dnevnika” za 1919 god (Pages from the “Academic Diary” for 1919) / Publikatsiia igumena Dionisiia (Shlenova) // Bogoslovskii Vestnik (Theological Herald). 2010. № 11–12. P. 819–857.]
- Игнатий Брянчанинов, свт. 2002 — Отечник / Сост. свт. Игнатий Брянчанинов. Мк., 2002. [Otechnik (Collection of the Fathers) / Sostavil sviatitel' Ignatii (Brianchaninov). Minsk, 2002.]
- Отчет 1917–1918 — Отчет о состоянии Московской духовной академии в 1917–1918 учебном году // БВ. 1918. Т. 2. № 6–9. С. 1–19. [Otchet o sostoianii Moskovskoi dukhovnoi akademii v 1917–1918 uchebnom godu (Report on the state of the Moscow Theological Academy in the 1917–1918 academic year) // Bogoslovskii Vestnik (Theological Herald). 1918. Tom 2. № 6–9. P. 1–19.]
- Пришвин 2007 — Пришвин М. М. Дневники 1914–1917 / Под ред. Л. А. Рязановой, Я. З. Гришиной. СПб., 2007. [*Prishvin M. M. Dnevniky 1914–1917* (Diaries 1914–1917) / Pod redaktsiei L. A. Riazanovoi, Ia. Z. Grishinoi. Saint Petersburg, 2007.]
- Проханов 1922 — Духовные песни / Сост. И. С. Проханов. Пг., 1922. [Dukhovnyye pesni (Spiritual songs) / Sostavil I. S. Prokhanov. Petrograd, 1922.]

ЛИТЕРАТУРА

- Ананьев 2014 — Ананьев К. «Господи! Скоро ли кончатся наши муки» // Первая мировая: взгляд из окопа / Сост. К. А. Пахалюк. М. — СПб., 2014. С. 141–215. [*Anan'ev K.* “Gospodi! Skoro li konchatsia nashi muki” (“Lord, when will the torments end?”) // Pervaia mirovaia: vzgliad iz okopa (The World War I: a view from the trenches) / Sostavil K. A. Pakhaliuk. Moscow — Saint Petersburg, 2014. P. 141–215.]
- Бабкин 2005 — Бабкин М. А. Иерархи Русской Православной Церкви и свержение монархии в России (весна 1917 г.) // Отечественная история. 2005. № 3. С. 109–124. [*Babkin M. A.* Ierarkhi Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi i sverzhenie monarkhii v Rossii

- (vesna 1917 g.) (The dioceses of the Russian Orthodox Church and the overthrow of the monarchy in Russia (spring of 1917)) // Otechestvennaya istoriia (Domestic history). 2005. № 3. P. 109–124.]
- Голубцов С., протод. 1999 — Голубцов С., протод. Стратилаты академические из корпорации Московской духовной академии первой половины XX в. Жизнь, труды и крестный путь: По материалам архивов и публикаций. Обзор и исследование. М., 1999. [Golubtsov S., protodeacon. Stratilaty akademicheskie iz korporatsii Moskovskoi dukhovnoi akademii pervoi poloviny XX veka. Zhizn', trudy i krestnyi put': Po materialam arkhivov i publikatsii. Obzor i issledovanie (Academic warriors from the staff of the Moscow Theological Academy of the first half of the XX century. Life, works and the way of the cross: Based on materials from archives and publications. Overview and research). Moscow, 1999.]
- Голубцов С., протод. 2010 — Голубцов С., протод. МДА в революционный период // БВ. 2010. № 11–12. С. 443–509. [Golubtsov S., protodeacon. Moskovskaia Dukhovnaia Akademiia v revoliutsionnyi period (Moscow Theological Academy during the Revolution) // Bogoslovskii Vestnik (Theological Herald). 2010. № 11–12. P. 443–509.]
- Дионисий (Шленов), игум. 2010b — Дионисий (Шленов), игум. Тернистый путь классических языков в Московских духовных школах // БВ. 2010. № 11–12. С. 548–622. [Dionysius (Shlenov), hegumen. Ternisty put' klassicheskikh iazykov v Moskovskikh dukhovnykh shkolakh (The thorny path of classical languages in the Moscow theological schools) // Bogoslovskii Vestnik (Theological Herald). 2010. № 11–12. P. 548–622.]
- Лука (Головков), архим. 2010 — Лука (Головков), архим. Собор святых Московской Духовной Академии: материалы к истории создания нового иконописного образа // БВ. 2010. № 11–12. С. 1062–1086. [Lucas (Golovkov), archimandrite. Sobor sviatykh Moskovskoi Dukhovnoi Akademii: materialy k istorii sozdaniia novogo ikonopisnogo obraza (Synaxis of the Saints of the Moscow Theological Academy: materials on the history of the creation of a new icon-painted image) // Bogoslovskii Vestnik (Theological Herald). 2010. № 11–12. P. 1062–1086.]
- Маякова 2008 — Маякова И. А. Численный и социальный состав студенчества Московской духовной академии в годы Первой мировой войны (1914–1917) // Вест-

ник церковной истории. 2008. № 4 (12). С. 165–170. [*Maiakova I. A.* Chislennyi i sotsial'nyi sostav studenchestva Moskovskoi dukhovnoi akademii v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1917) (The numerical and social composition of the students of the Moscow Theological Academy during the First World War (1914–1917)) // Vestnik tserkovnoi istorii (Herald of Church History). 2008. № 4 (12). P. 165–170.]

Abstract

Eugene (Reshetnikov), archbishop. The Moscow Theological Academy in the 1917–1918 academic year: On the path to martyrdom

The article briefly describes the state of the Moscow Theological Academy in the 1917–1918 academic year, which was followed by the very tragic revolutionary events. The names of twelve new martyrs — teachers and students of the Academy this year — are named — all of them took a martyr's death after 1927. The general tragic path of the school, its teachers and students is emphasized — it was in 1927 that the Academy was finally closed. The special problems of 1917 are connected with the catastrophe that radically changed the political system in the country. This change of the Church had to be recognized, in accordance with the principle “all power is from God.” The lack of a proper patriotic attitude to the lost monarchical system had to be compensated by the acceptance of the feat of confession and martyrdom for the sake of the Kingdom of Christ the Heavenly King.

Keywords: monarchy, revolution, theological education, Moscow Theological Academy, people, army, professors and students, diaries, A. D. Belyaev.